

КАРМЕН ЛУНА

Мой любимый
ЗЛОДЕЙ,
или мама для дракончика

18+

Кармен Луна

Мой любимый злодей, или мама для дракончика

<https://litres.ru/74430823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса обожала книгу «Невеста для дракона». В ней была идеальная сказка: благородный Белый дракон, прекрасная принцесса и великая любовь. Но что-то пошло не так. Она засыпает с книгой в руках и просыпается в теле этой самой принцессы. Вот только вместо свадьбы с героем мечты её похищает Черный дракон — мрачный, язвительный изгнанник, живущий в разрушенном замке. Без армий, без сокровищ, зато с сыном, который его раздражает не меньше, чем она. В общем, не сказка. Кошмар. Но Алиса не из тех, кто сдаётся.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	64
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Кармен Луна

Мой любимый злодей, или мама для дракончика

Мой любимый Злодей, или мама для дракончика

Кармен Луна

Аннотация:

Алиса обожала книгу «Невеста для дракона». В ней была идеальная сказка: благородный Белый дракон, прекрасная принцесса и великая любовь. Но что-то пошло не так. Она засыпает с книгой в руках... и просыпается в теле этой самой принцессы. Вот только вместо свадьбы с героем мечты её похищает Черный дракон — мрачный, язвительный изгнанник, живущий в разрушенном замке. Без армий, без сокровищ, зато с сыном, который его раздражает не меньше, чем она. В общем, не сказка. Кошмар. Но Алиса не из тех, кто сдаётся.

Глава 1

Поезд убаюкивающе покачивался, словно великан, несущий меня в ладонях к очередному не особенно нужному месту. За окном серели пустые поля, облезлые деревья тоскливо кивали ветками, а фонари, редкие и неуверенные, мелькали, как разбитые мечты.

Но мне было плевать.

Потому что я, Алиса Селезнёва, двадцати лет от роду, по уши зарывшаяся в филологию и тонны фэнтезийных романов, находилась в другом мире. Мире, где не было ни ссоры, ни холода, ни болезненного ощущения собственной ненужности.

Там меня ждал Белый дракон.

Алтаир — великолепный, благородный, сияющий, как воплощённая мечта всех одиноких девиц, уставших от реальности. Он склонялся перед своей избранницей, Эллерией, его глаза, цвета летнего неба, горели жарче драконьего огня, а голос...

«Ты моя, Эллерия. Никто не отнимет тебя у меня!»

Я закрыла книгу на мгновение, прижимая её к груди, и, наверное, на моём лице в этот момент была именно то выражение, за которое моя мать в детстве брезгливо называла меня «идиоткой».

Не то чтобы её мнение меня когда-либо волновало.

Хотя...

Я шумно вздохнула, снова погружаясь в текст, пока реальность, где у меня не было ни заботливого отца, ни нормальной семьи, растворялась в буквенной магии.

Семья...

О, да, моя жизнь в этом плане вполне соответствовала клише дешёвых драм: отец, которого заставили жениться и который сбежал при первой же возможности, когда мне исполнилось десять. Мать, нашедшая утешение на дне бутылки, причём в самых прямых и отвратительных смыслах.

Я рано научилась заботиться о себе. Рано поняла, что никто не придёт и не скажет: «Ты моя, я защищу тебя».

Но ведь в книгах всё по-другому, правда?

В них есть сила слова, есть магия, есть судьба, которая ведёт героев друг к другу. Там тебя могут выкрасть посреди ночи, но не для того чтобы бросить в детдом, а чтобы унести в замок из белого камня, где тебя ждёт судьбоносная любовь и неприличное количество приключений.

Как же я мечтала попасть в такую историю!

Хотя, конечно, кого я обманываю? В реальной жизни меня максимум могут пригласить на шаурму в Пятёрочке.

Впрочем, шаурма — это тоже неплохо.

Я снова вздохнула, лениво накручивая тёмную прядь волос на палец. Ну вот, теперь точно не усну!

Алтаир, дорогой мой, ну как ты мог быть таким нереальным? Почему все мои стандарты построены на тебе, и поче-

му в моей жизни максимум романтики — это надпись «Люблю Машку» на заборе под окнами общежития?

А ведь когда-то я действительно верила, что жизнь может преподнести мне что-то хорошее.

Но потом отец ушёл, мать начала запивать тоску чем-то покрепче вина, и маленькая Алиса поняла, что никаких рыцарей на белых конях не будет. Ни спасителей, ни добрых фей, ни чудесных поворотов судьбы.

Зато есть книги.

Я усмехнулась.

И Белый дракон, который будет любить только меня.

...Ну, или Эллерию.

Какая, в сущности, разница?

Главное — мечтать.

Главное — не забывать, что в мире, где есть магия, возможно всё.

Даже то, что мне вскоре придётся проверить эту теорию на собственной шкуре.

Дверь купе со скрипом открылась. Именно тем скрипом — как в старых фильмах ужасов, где сразу понимаешь: сейчас появится что-то злое. Ну, или что-то, что сломается через три секунды.

Я медленно подняла глаза и... о.

Дед.

Нет, не просто дед.

Высохший, как старый пергамент, в плаще, который вы-

глядел так, будто его смахнули с вешалки где-то в склепе. На плече у него должен был бы сидеть ворон, но, видимо, с почестями его переселили в клетку, которую он держал в руке.

А сам этот ворон...

Боже.

Чёрные, блестящие бусины глаз смотрели на меня с выражением глубочайшей экспертизы. Причём экспертизы не на тему «человек ли я», а на тему «сколько с меня выйдет мяса».

Так, спокойно, Алиса.

— Судьба — дама своенравная, девочка, — философски изрёк дед, опуская клетку на столик.

Я моргнула.

— Сегодня она может поцеловать тебя в лоб, а завтра — пнуть под зад.

Я моргнула ещё раз. Потом осторожно прикрыла книгу и немного пододвинулась к окну.

Ну мало ли! Может, он не со мной разговаривает? Ворона наставляет на путь истинный? Или вообще вещает в пустоту, как маги в моих книжках, которые любят говорить загадками и загадочно исчезать в тумане?

Но нет, судя по его пристальному взгляду, эта мудрость предназначалась именно мне.

Дед продолжал сверлить меня глазами.

Ворон поддерживал его мрачное молчание.

И вот тогда меня пробила первая нехорошая мысль.

Купе-то у нас... четырёхместное, но едем мы пока вдвоём.
Ага.

Гениально, Алиса. Просто шикарно.

— Девочка, ты не против взять верхнюю полку? — спрашивает дед, поднимая взгляд на верхнюю полку, наполненный такой судьбоносностью, что, кажется, если я откажусь, вселенная мигом утратит баланс.

Я вздрагиваю.

Нет, ну в самом деле! Я, конечно, уважаю старость, мудрость, магическую загадочность, вот это всё... Но!

Верхняя полка — это жесть!

Это шанс свалиться вниз, свернуть себе шею и в следующей жизни переродиться не кем-то благородным, а куском ковролина в общественном туалете. Это мучительная попытка заснуть в позе перепуганной летучей мыши, балансируя на узком куске матраса и опасаясь любого резкого поворота поезда. Это...

В общем, нет.

— Простите, но я боюсь высоты, — максимально вежливо отвечаю, хотя в душе понимаю: только что подписала себе смертный приговор в глазах этого древнего хранителя судеб.

Дед вздыхает.

И я не просто слышу этот вздох — я его чувствую. Это вздох, который можно перевести примерно так: «Молодёжь нынче пошла не та. Вот в мои времена верхние полки брали с честью, а теперь? Слабые, хилые, в облаках летают, судьбу

свою не видят!»

Пауза.

Ворон, сидящий в клетке, хмыкает.

Хмыкает.

Я не уверена, мне это кажется или он действительно в этот момент закатил глаза.

А может, это была птицевая версия ехидного: «Тьфу, человеки»?

Но, к счастью, дед ничего не говорит. Не смотрит на меня с укором, не пытается наставить на путь истинный, не пророчествует бед и катастроф. Просто молча, неспешно забирается на верхнюю полку с грацией древнего шамана, готового к ночному бдению.

Я почти слышу, как вселенная вздыхает мне в спину: «Позор тебе, Алиса. Позор и стыд.»

Но знаете что?

Я сижу на нижней полке. ЖИВАЯ.

И мне этого вполне достаточно.

Глава 2

Я честно стараюсь не думать о том, что только что жёстко облажалась перед древним стражем мироздания (ну, или просто пожилым мужчиной с выдающимся чувством драматичности). Но пока я снова погружаюсь в книгу, ощущая себя предательницей всех рыцарских кодексов чести, я чувствую взгляд.

Такое бывает, когда кто-то сверлит тебя глазами. Только обычно это либо преподаватель, который ждёт, когда ты наконец осознаешь, что пары начались пятнадцать минут назад, либо кассирша в магазине, мысленно проклиная тебя за отсутствие мелочи.

Но сейчас это не человек.

Нет.

Это ворон.

И он смотрит.

Нет, серьёзно.

Его глаза — две блестящие бусины, пуговицы из бесконечной тьмы, жутко-совершенные, как взгляд самого бытия.

Я переворачиваю страницу.

ХРУМК!

Он разгрызает семечку, не отрываясь от меня.

Я осторожно шевелю ногой.

Он наклоняет голову набок, анализируя мою траекторию,

как будто воронье командование дало приказ: «Следить. Оценивать. Доложить.»

Меня передёргивает.

— Вы уверены, что он не пытается меня проклясть? — шёпотом спрашиваю я, не сводя глаз с птицы, которая явно задумала что-то нехорошее.

Дед молча поворачивается ко мне.

На мгновение мне кажется, что он скажет что-то жёсткое, страшное, что-то, от чего у меня похолодает внутри.

Но он только загадочно произносит:

— Судьба любит наблюдать.

И отворачивается.

...О.

Ну конечно! Всё ясно!

Эта проклятая птица не просто смотрит на меня. Она следит по заданию Судьбы!

Этот пернатый явно с ней заодно! Сговорился, решил, что я здесь для чего-то важного, и теперь оценивает: достойна ли? Готова ли? Смогу ли?

А я...

Я всего лишь пассажир.

Пассажир, который, возможно, опрометчиво сел не в тот поезд.

Я читаю.

Читаю, перечитываю, смакую каждую строчку, но веки предательски тяжелеют, словно кто-то незримо насыпает

мне в глаза песок сна.

Нет! Я не собираюсь засыпать!

Но сюжет знакомый до боли, до последней запятой, до точности диалогов, которые я могу воспроизвести с закрытыми глазами. Слова мягко ласкают сознание, обволакивают, как пушистый плед, под которым так и хочется свернуться калачиком.

Поезд плавно покачивается, монотонно постукивая колёсами, и это действует на меня так же гипнотически, как успокаивающий голос лектора на утренней паре.

Глаза закрываются.

Но в какой-то момент я чувствую странное...

Покалывание.

Лёгкое, едва ощутимое.

Будто мурашки бегут по коже, но не от холода, не от внезапного озарения и даже не от осознания того, что я, похоже, завтра снова просплю первую пару.

Ощущение странное, непонятное.

Будто кончики пальцев касаются чего-то невидимого. Будто воздух вокруг меня вдруг стал гуще, плотнее, теплее.

Я машинально шевелю пальцами.

Или это мне кажется?..

Глупости!

Нервы. Усталость. Переизбыток эмоций от книги, которую я перечитываю уже шестой раз подряд, не делая перерывов на нормальную еду, сон и жизнь.

Я широко зеваю, лениво переворачиваю последнюю страницу главы и...

...проваливаюсь в сон.

И этот сон становится последним, который я вижу в своём мире.

Что-то не так.

Секунду. Нет, всё не так.

Прежде чем я окончательно прихожу в себя, мозг уже фиксирует главную проблему: мягкость.

Нет, не та условная мягкость, когда ты сворачиваешься калачиком в зимнем пальто, пытаешься хоть как-то подружиться с поездной полкой. Настоящая мягкость. Воздушная, обволакивающая, как облако из перьев единорога.

Ароматы.

Свежие, утончённые, как если бы кто-то взял летний сад, утопил его в дорогом парфюме, а потом пропитал этим воздухом.

Постель.

Ни намёка на шероховатую ткань стандартных поездных простыней, в которые впитаны истории сотен пассажиров. Под пальцами — что-то гладкое, тонкое, мягкое, как шёлк...

Я замираю.

Открываю глаза.

Первое, что вижу, — балдахины.

Тяжёлые, золотистые, они переливаются в солнечном свете, будто созданы не тканью, а магией.

Второе — кровать.

Огромная, чуть ли не размером с мою комнату в общежитии. С горой подушек, пуховым одеялом и ощущением абсолютной роскоши.

И вот тут меня окончательно пробивает холодный пот.

Потому что в этой кровати лежу я.

Точнее, не я.

О, нет-нет-нет!

ЭТО НЕ МОИ ВОЛОСЫ.

Длинные, волнистые, они разметались по подушке, словно медовый водопад.

ЭТО НЕ МОИ РУКИ.

Пальцы тонкие, изящные, кожа нежная, как у аристократки, которая никогда не знала, что такое порезаться бумагой или сломать ноготь.

ЭТО НЕ МОЁ ЛИЦО.

Я судорожно хватаю ближайшее зеркальце с тумбочки и...

Чужая девушка смотрит на меня.

Идеальная.

Гладкая кожа, огромные глаза, чёткие черты лица, словно вырезанные руками скульптора, который трудился над ними веками.

Она моргает.

Я моргаю.

Она медленно прикусывает губу.

Я... тоже.

О нет.

О. Нет.

Глава 3

Окна были в три раза выше меня. Нет, серьёзно. Они взмывались под потолок величественными арками, залитыми утренним светом, который больно бил по глазам, словно насмехаясь: *Добро пожаловать, Эллерия, твой день начался, а ты, похоже, не готова.*

Но готова или нет — было уже неважно. Потому что вокруг меня носились служанки.

Три. Нет, четыре. Нет... О Боже, их шесть! Они мельтешили вокруг меня, словно феечки на адреналине, при этом активно размахивая шелковыми платьями, ленточками, гребнями, шкатулками с драгоценностями и чем-то ещё, что явно было слишком дорогим для моих трясущихся рук.

А главное — они поздравляли меня с грядущей свадьбой с Алтаиром!

Свадьбой. С Алтаиром.

Я. В книге.

В теле Эллерии.

Меня сейчас выдадут замуж за Белого дракона.

О, Великая Литературная Справедливость, что я сделала не так?!

Я задыхаюсь. У меня паника. Где выход?! Где кнопка «Вернуться обратно в поезд»?! Где хоть что-нибудь, что объяснит мне, как, мать его, работать с этим сюжетом?!

Но нет, никто не собирается давать мне время на раздумья.

Служанки уже тянут меня из кровати, ловко избавляя от ночной сорочки и заодно — от последних остатков самоуважения. Я успеваю пискнуть что-то возмущённое, но меня уже вертят, как куклу в лавке мод, натягивают шёлковое платье, затягивают шнуровку, заплетают волосы в что-то настолько сложное, что это, наверное, магическое плетение высшего уровня.

Я не сопротивляюсь. Я в шоке.

Потому что это явно не тот момент, где позволено устроить истерику с беготнёй по потолку.

Когда первый ступор отпустил, я всё-таки рискнула подать голос, когда меня в третий раз затянули в корсет так, что лёгкие сжались до состояния сушёного яблочка. «А давайте я сначала поем, а потом выйду замуж?» — осторожно предложила я, но мои слова были встречены таким восторженным хором: «Ах, принцесса шутит!» — что я поняла: шанс выбраться из этой шелковой западни равен нулю.

Служанки слаженно работали, как боевые маги высшей категории. Я даже не заметила, как оказалась в платье мечты — лёгком, воздушном, с изящной золотой вышивкой, тончайшими рукавами и длинным шлейфом, который, кажется, существовал исключительно для того, чтобы я на нём споткнулась и умерла раньше, чем дойду до алтаря.

И вот через двадцать минут я стою перед зеркалом.

Смотрю на отражение и медленно осознаю... Это не я.

Нет, ну как бы я, но не та!

Кожа без единого прыщика, ровная, гладкая, как дорогой фарфор. Губы пухлые, без трещин от нервного кусания. Волосы шелковистые, идеально уложенные в замысловатую причёску, которую я сама бы никогда в жизни не повторила, даже если бы у меня было три зеркала, восемь рук и маникюрные ножницы с лазерным наведением.

Я выгляжу... как с картинки.

Нет, хуже.

Я выгляжу так, будто мне реально собираются вручить дракона.

И вот тогда меня пробивает.

Это не сон.

Это происходит на самом деле.

Я в теле Эллерии.

И если я прямо сейчас не возьму себя в руки, то через пару часов стану женой Алтаира.

И, возможно, съедобным бонусом к свадебному пиршеству.

Меня ведут по дворцу, а я, кажется, разучилась дышать. Серьёзно, лёгкие просто отказались работать, будто на входе в этот сияющий храм роскоши повесили табличку: *«Паникующим принцессам кислород не положен»*. Я иду, но ноги подкашиваются, потому что мозг орёт: «Разворачивайся, дура, беги! Ты же вообще не знаешь, как быть эльфийкой!»

Но разворачиваться уже поздно.

Впереди распахиваются огромные двери, и вот он — золотой тронный зал.

И, Великие Силы Фэнтези, он оправдывает своё название на все сто! Позолота везде. Колонны, потолок, стены, даже чертовы канделябры сияют, как будто кто-то поливал их жидким солнцем. Огромные окна, сквозь которые льётся мягкий свет, отбрасывают блики на белоснежный мраморный пол, настолько идеально чистый, что я могла бы рассмотреть в нём собственное отражение — если бы не была занята тем, что неприкрыто паникую.

На возвышении — трон. А на нём — мой «отец», король эльфов.

Высокий. Статный. С таким величественным видом, что, кажется, он даже чихает по-королевски. Его лицо будто высечено из мрамора, резкие скулы, идеальные черты, серебристые волосы, спадающие аккуратными прядями. Ну конечно, у эльфов же не бывает «плохих дней для причёски», их наверняка проклинали на вечное великолепие.

И он смотрит прямо на меня.

Мои колени в этот момент официально пишут заявление на увольнение.

— Эллерия, дитя моё, — произносит он, и его голос...

О, этот голос. Глубокий, богатый, словно в нём живёт сама магия. Таким голосом не просто говорят, таким голосом заключают судьбоносные договоры, объявляют войны и де-

лают так, чтобы подданные падали ниц от одного звука имени правителя.

А я стою перед ним и туплю.

Что говорить?! Как говорить?! Я ж не эльфийка! У меня даже уши чужие! Настоящие, острые, эльфийские — но я-то помню свои. А вдруг он тоже заметит чужачку?!

Но, кажется, мой «отец» не замечает, что я на грани того, чтобы потерять сознание и красивым эльфийским шлепком впечататься в этот идеально чистый пол.

Он продолжает:

— Этот союз важен для мира. Свадьба с Алтаиром объединит наши народы.

Я киваю.

Всё. Молодец, Алиса, супердипломатия! Просто кивнуть — гениальный ход!

Но внутри меня раздаётся крик души: «СТОП! А МОЖНО МНЕ ВЫЙТИ И ПОГОВОРИТЬ С АДМИНИСТРАЦИЕЙ РЕАЛЬНОСТИ?!»

— Конечно, отец. Я понимаю.

Понимаю? Нет, не понимаю. Я знаю только то, что меня сейчас выдают замуж за Белого дракона, и все счастливы, кроме моего внутреннего паникёра, который орёт: «ЧТО ВООБЩЕ ПРОИСХОДИТ?!»

Король кивает, удовлетворённый.

— Я горжусь тобой, Эллерия. Ты всегда была послушной, мудрой, достойной своего народа.

Я мысленно скалюсь. Послушной? Ха! Ну, для вас — да. Для себя — нет.

Но не время спорить.

— Спасибо, отец, — говорю я, и слова удивительно легко ложатся на язык. Не так уж сложно играть роль принцессы, когда тебя уже нарядили, расставили и подали, как дорогую статуэтку.

Он смотрит на меня чуть внимательнее, словно пытается увидеть что-то, чего не замечал раньше.

— Ты... немного изменилась, Эллерия.

Ой.

ОЙ-ОЙ.

Я напрягаюсь, но тут же заставляю себя выглядеть расслабленно.

— В каком смысле? — с лёгкой улыбкой спрашиваю я, а внутри себя уже начинаю копать себе воображаемую могилу.

Король чуть склоняет голову, его серебристые волосы переливаются в свете магических сфер.

— Не знаю. Взгляд стал... живее. Говоришь иначе. Двигаешься иначе.

Ох.

Очень плохо. Очень-очень-очень плохо!

— Просто... волнение, — быстро говорю я, стараясь не выглядеть слишком поспешной. — Всё-таки свадьба.

Король долго смотрит на меня.

Слишком долго.

А потом всё-таки кивает.

— Возможно, — говорит он, и в его голосе звучит такая отеческая уверенность, что я на мгновение почти расслабляюсь. Почти.

Но когда он отворачивается, я понимаю — он заметил.

Не понял, что именно, но заметил.

И теперь у меня осталось меньше времени, чем я думала.

Король оборачивается к двери, но задерживает меня последним наставлением.

— Это важный день для тебя, Эллерия, — напоминает он с сдержанной тревогой. — Но постарайся не терять свою собранность. Теперь, когда ты в замке Алтаира, весь мир наблюдает за тобой.

Замке Алтаира?

Король приподнимает бровь, словно слегка удивлён моей реакцией.

— По традиции невеста Белого дракона должна ждать свадебной церемонии в его владениях. Это знак доверия, символ союза между эльфами и драконами.

Ага, отлично! Я, конечно, не помню, но очень благодарна...

Я сглатываю.

— Конечно, я помню. Просто... слишком много эмоций.

Я торопливо прячу руки в складках платья, чтобы он не заметил дрожи.

— Это нормально, — великодушно произносит король.

— Твой будущий муж ждёт тебя. У вас сегодня официальная встреча перед свадьбой. Не заставляй его ждать, дитя моё.

Не заставляй его ждать.

О, не волнуйтесь, отец. Я бы очень даже была не против потянуть время, но, похоже, никто спрашивать меня не собирается.

Глава 4

Я честно пыталась держать себя в руках. Успокаивала себя. Напоминала, что я — не впечатлительная девица из дешёвого романа, а разумный человек, случайно попавший в книгу. Но когда двери распахнулись и в зал вошёл ОН... Мой мозг официально объявил эвакуацию.

Алтаир.

Ослепительно высокий, идеально сложенный, абсолютно нереальный. Белые волосы — не просто белые, а сияющие, как свежий снег, рассыпавшийся под утренним солнцем. Взгляд — чистое, ледяное небо, глубокое, бездонное, с таким хладнокровным спокойствием, что даже арктические льды могли бы позавидовать. Двигался он плавно, грациозно, словно был не человеком, а воплощением благородства, что сошло со страниц книги прямо в реальность.

Идеальный. Совершенный.

Боже.

Он ещё красивее, чем я его представляла!

Я же, в отличие от него, в этот момент забыла, как дышать. В прямом смысле. Потому что вместо лёгкого вдоха я сделала что-то похожее на утробный всхлип рыбы, выброшенной на берег.

Алтаир остановился передо мной.

И склонил голову.

А потом улыбнулся.

И всё. В этот момент я официально перестала существовать.

Точнее, мой мозг расплавился, испарился и вытек в ближайшую хрустальную вазу с вином.

— Эллерия, — его голос... Господи, этот голос!

Глубокий. Нежный. Уверенный.

Звуковой аналог идеального поцелуя.

И я, разумный, подготовленный человек, который наверняка способен поддержать беседу, выдаю:

— Мгхм.

Что?! ЧТО?!

Я моргаю, но слова не появляются.

Алтаир чуть склоняет голову, его прекрасные белые брови едва заметно поднимаются в молчаливом, вежливом вопросе.

А я в это время пытаюсь найти свою нервную систему, потому что она только что убежала в ближайшие кусты и притворяется мёртвой.

Я сглотнула, собралась с силами и выдавила что-то похожее на улыбку. Внутри меня всё кричало: Алиса, держись! Это твой шанс! Ты в книге! Перед тобой твой любимый герой! Но, судя по тому, как нервно дёргался уголок моего рта, сдержанность давалась мне с огромным трудом. Нет, ну серьёзно! Это же Алтаир. Самый совершенный, благородный, ослепительно прекрасный Белый дракон! Мужчина-мечта,

идеал, герой всех времён и народов. И мне надо вести себя как принцесса, а не как фанатка на автограф-сессии, которая вот-вот швырнёт в него своей обувью от избытка чувств.

— Я... рада вас видеть, мой принц, — выговариваю я с той степенью пафоса, на которую способна, отчаянно стараясь не завизжать от восторга и не потерять сознание от передозировки его великолепием.

Алтаир улыбается ещё шире.

И этот взгляд!

Такой добрый, нежный, заботливый...

О, да. Он определённо герой.

Вот только... почему у меня внутри странное чувство тревоги?

Будто этот взгляд слишком идеальный. Будто улыбка — отточенный до совершенства жест, а не искренний порыв души. Будто за этой безупречной маской скрывается что-то совсем не сказочное...

Сердце колотится так, будто я сейчас не просто разговаривать с Алтаиром иду, а сдавать экзамен, на который не готовилась.

— Эллера, — произносит он с этой своей фирменной безупречной улыбкой, и у меня снова сбоит нервная система. Голос — как музыка, движения — точные, выверенные, а сам он... идеальный.

Я сжимаю руки, чтобы не выдать свою восторженность слишком явно. В конце концов, я принцесса!

— Мой принц, — стараюсь сказать грациозно, но, кажется, мой голос звучит слишком взволнованно. Чёрт, Алиса, соберись!

— Ты волнуешься, — он чуть склоняет голову, изучая меня прищуренными небесно-синими глазами, и я моментально превращаюсь в олицетворение нервного смущения.

— Ну, свадьба всё-таки, — нервно смеюсь я. — Это... очень важно.

— Важно, — соглашается он, но в его голосе чего-то не хватает. Волнения? Радости? Настоящего чувства?

Но кто я такая, чтобы сомневаться? Это же Алтаир! Главный герой! Белый дракон! Ему не обязательно биться в экстазе, как мне.

— Ты так прекрасна, Эллерия, — он легко касается пряди моих волос, и у меня по коже мурашки. Чёрт, он слишком хорош!

— Я просто... хочу, чтобы всё прошло идеально, — выдыхаю я, стараясь не растечься лужицей от счастья.

— Конечно, всё будет идеально, — уверенно говорит он. — Ведь это наша судьба.

Наша судьба!

О Боже. Я прямо ощущаю себя героиней фэнтези-романа!

Но в этот момент к нам подходит слуга — молодой эльф в серебряной мантии, низко кланяется.

— Принц Алтаир, прошу прощения, но... канцлер просит вашего внимания...

Слуга мнёт край рукава, не решаясь подойти ближе.

И тут происходит то, чего я не ожидала.

Алтаир медленно поворачивает голову и смотрит на слугу так, будто его только что попросили вымыть пол собственным лицом.

— Разве ты не видишь, что я занят? — ледяным тоном бросает он.

— Да, но... — несчастный эльф нервничает, явно боится до смерти.

— Вон.

Слуга вздрагивает. Резко кланяется и буквально исчезает за дверью.

А я... я в ужасе.

Что это было? Это же Алтаир! Он должен быть идеальным, добрым, благородным!

Но сейчас он был жестоким.

Я не могу не нахмуриться.

Прежняя тревога становится сильнее.

— Ты... не слишком груб с ним? — слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их обдумать.

Я только что поставила под сомнение поведение Алтаира. Моего идеального принца. Главного героя. Человека, эммм...дракона, за которого я через пару часов выйду замуж.

Но, к моему удивлению, он даже не удивляется.

— Груб? — его губы тронула лёгкая, едва заметная

усмешка. Ни тени сожаления. — Эллериya, ты слишком мягкосердечна. Слуги должны знать своё место.

Я моргаю.

Нет, ну... может, я слишком на это среагировала? В конце концов, он будущий король. Он должен быть строгим, иначе на голову сядут. Но всё же...

— Он просто передавал просьбу, — осторожно замечая я.

— Он прервал наш разговор, — ровно отвечает Алтаир.
— И если я позволю подобное одному, завтра передо мной выстроится очередь из канцелярских крыс, у которых внезапно появились срочные вопросы. Ты ведь не хочешь, чтобы нас отвлекали мелкие сошки?

Я слегка вздрагиваю от того, как пренебрежительно он это сказал.

Мелкие людишки.

Я смотрю ему в глаза. Чистые, синие, идеальные, как ледяное утро в горах.

И внезапно ощущаю себя невестой совершенно незнакомого человека.

— Конечно, не хочу, — выговариваю я, заставляя себя улыбнуться.

Алтаир легко касается моего подбородка пальцами, наклоняется ближе.

— Всё будет так, как должно быть, Эллериya, — шепчет он, его голос мягкий, обволакивающий, чарующий... и почему-то чужой.

Я киваю.

Я говорю себе, что просто перенервничала.

Я повторяю, что он мой идеальный герой.

Только вот в груди поселился холодок, который не хочет исчезать.

Я заставляю себя улыбнуться. Потому что это Алтаир. Потому что он идеальный. Потому что всё идёт так, как должно идти.

— Конечно, — мой голос звучит ровно, почти естественно. Почти.

Алтаир чуть склоняет голову, внимательно меня изучает. И мне кажется — или в его глазах что-то скользнуло?

Сомнение? Подозрение?

Нет. Наверное, мне показалось.

— Ты изменилась, Эллерия, — наконец произносит он, и его пальцы легко скользят по моему запястью. Движение почти ласковое, почти заботливое, почти... холодное.

Моё сердце делает странный, тревожный скачок.

— В каком смысле? — я смеюсь, легко, игриво, как подobaет принцессе.

— Ты стала... — он на мгновение замолкает, изучая моё лицо. — Другой.

По спине пробегает предательский холодок.

Он что-то заметил?!

Но через секунду Алтаир улыбается. Безупречно. Прекрасно. Так, что у меня снова перехватывает дыхание.

— И мне это нравится, — добавляет он, касаясь пальцами пряди моих волос. — Сегодня ты станешь моей женой.

«Да, конечно!» — вот что должно сорваться с моих губ.

Но вместо этого я просто киваю.

А внутри что-то тревожно замирает.

Потому что идеальный герой никогда бы не позволил себе той жестокости, что я увидела.

Но, возможно, я просто слишком впечатлительная?

Возможно, я просто нервничаю?

Или...

Я даже не успеваю додумать эту мысль, потому что Алтаир берёт меня за руку и ведёт к огромному балкону, откуда открывается вид на великолепный белый город.

— Посмотри, Эллерия, — его голос полон уверенности.

— Всё это будет нашим.

Я смотрю.

Бесконечно красивые улицы. Великолепие башен, золочёных куполов, сверкающих водопадов...

Всё идеально.

Но теперь я не могу избавиться от ощущения, что под всей этой красотой прячется что-то страшное.

Глава 5

Весь храм сиял. Величественный, огромный, словно возведённый не руками смертных, а самой магией, он был полон света и красоты. Высокие колонны уходили в небеса, потолок терялся во мраке, а изысканные витражи, изображающие сцены из древней истории, рассыпали на мраморный пол цветные узоры. Повсюду мягкий свет свечей, расставленных в позолоченных канделябрах, вперемишку с магическими сферами, плывущими под куполом, освещая собравшихся. Воздух пах ладаном, дорогими цветами и какой-то тонкой ноткой магии, что буквально пропитывала пространство, заставляя дыхание замирать от её густоты.

Гости заполнили храм. Знать эльфийских королевств, человеческие послы, посланники драконьих кланов — вся верхушка этого мира, все те, кто вершил судьбы королевств, кто принимал решения, меняющие мир. Роскошные одежды, драгоценности, сложные причёски и взгляды, полные любопытства. Они пришли сюда не просто как свидетели моего брака с Алтаиром — нет, им нужна была история, то, что потом войдёт в хроники. Они впитывали каждую деталь, каждое движение, строили теории, искали намёки на тайные договорённости между нашими народами.

Музыка звучала едва слышно, будто тонким невидимым потоком пронизывала всё пространство. Хор эльфов испол-

нял древнюю песнь благословения, и их голоса, чистые, возвышенные, накатывали волнами, обволакивая, создавая ощущение, будто само время остановилось. Алтарь сиял, украшенный золотыми узорами, а перед ним стоял жрец в белых одеждах, его лицо было скрыто под капюшоном, но голос звучал твёрдо, ровно, как если бы он уже не раз провозглашал союзы, что становились легендами.

И посреди всего этого была я.

Окутанная тысячами взглядов, стоящая рядом с Алтаиром, который был настолько идеален, что даже солнце за витражами казалось менее ослепительным. Он держался ровно, спокойно, его белые одежды ниспадали, как у божественного создания, а сияющие волосы, казалось, впитывали свет. Он был правильным. Во всём. В осанке, в выражении лица, в лёгкой улыбке, в спокойствии, которым он окутывал этот момент.

Я должна была чувствовать себя счастливой. Я должна была смотреть на него с благоговением, в восторге от того, что он — мой жених.

Но вдруг по спине пробежал холодок.

Я не сразу поняла, что что-то изменилось.

Музыка продолжала звучать, свечи всё ещё горели, гости всё так же наблюдали. Но где-то внутри, в самом воздухе что-то дрогнуло. Как будто невидимая струя ледяного ветра пронеслась по храму, оставляя за собой тонкую, едва уловимую вибрацию тревоги.

Жрец продолжал говорить, но его голос вдруг стал... странным. Будто с хрипотцой, будто его слова застревали в воздухе, мешаясь с чем-то невидимым.

Я поёжилась.

Алтаир едва заметно нахмурился, но ничего не сказал, а просто чуть крепче сжал мою руку.

Храм... задрожал.

Это было почти незаметно, но пол, который ещё секунду назад казался незыблемым, вечным, вдруг подёрнулся едва ощутимой дрожью, словно в его глубинах проснулось что-то огромное.

Пламя свечей колыхнулось. Витражи вдруг потемнели.

А затем в окна ворвалась тень.

Холод.

Леденящий, колющий, пронизывающий до костей. Он хлынул в зал единым порывом, затапливая свет, заставляя магические сферы дрожать и гаснуть. Где-то в дальних рядах кто-то вскрикнул, звук этот был резкий, испуганный, нарушивший благодное спокойствие, царившее секунду назад.

В храме стало темно.

Не так, как бывает при заходе солнца. И не так, как если бы просто погасли свечи.

Это была другая тьма. Живая. Двигающаяся. Тьма, которая не просто пришла, а вырвалась из какого-то далёкого кошмара, вцепившись в реальность, прогибая её под себя.

Я задохнулась.

Шёпот гостей перерос в глухой ропот. Жрецы начали торопливо читать заклинания, но слова звучали приглушённо, странно, словно их заглушал чужой голос, невидимый, безмолвный, но громкий в самом воздухе.

Я вцепилась в руку Алтаира, глядя в окно, пытаюсь понять, что происходит.

Небо темнело на глазах.

Секунду назад оно было сияющим, чистым, а теперь — густая тьма, словно солнечный свет стерли с небес чьей-то неведомой силой. Капли черноты стекали по витражам, точно густая краска, растекаясь, искажая изображения.

И тогда я услышала его.

Этот звук...

Рокот.

Глубокий. Низкий. Живой.

Воздух в храме дрогнул, затрещал, словно что-то огромное коснулось самого его пространства.

Я почувствовала его присутствие прежде, чем увидела.

Что-то могущественное, древнее, чуждое этому месту — оно было здесь.

Оно входило.

И с каждым мгновением становилось ближе.

Раздаётся громкий удар, и воздух взрывается вихрем магической энергии. Двери храма распахиваются, будто сорванные ураганом, с такой силой, что створки летят в стороны, врезаясь в колонны, а тяжёлые золотые украшения с гу-

ким звоном падают на мраморный пол. Громадные витражи дрожат, с них сыплются крошечные осколки, будто храм сам отказывается терпеть то, что в него ворвалось.

Ветер хлынул внутрь, холодный, чужой, несущий с собой тьму. Она не просто затекала в зал, не просто ложилась мягкой дымкой — она двигалась, дышала, жила. Она клубилась у порога, извиваясь чёрными волнами, а в её недрах мерцали алые огоньки — как сотни призрачных глаз, наблюдающих за этим миром из бездны.

И из этой тьмы выходит Он.

Высокий. Мрачный. Опасный.

Чёрный дракон.

Малгарт.

Почти ленивой походкой он переступает порог, позволяя теням стекать с его сапог и расползаться по полу чёрной змеиной дымкой. Его длинный чёрный плащ развеивается, задевая остатки разбитого витража, тёмные волосы растрёпаны ветром, но ему, кажется, всё равно. Его алые глаза сверкают, будто огонь заключён в само их нутро, и он смотрит прямо вперёд, не торопясь, наслаждаясь моментом.

И в этот момент мир спотыкается.

Секунда тишины. Затаённого, ледяного страха.

А потом — паника.

Где-то в глубине храма кричит женщина. Кто-то роняет кубок, и звон стекла разносится эхом. Гости пятятся назад, теснятся, некоторые падают на колени, прижимая руки к гру-

ди, будто молитва способна защитить их от этого кошмара.

Жрецы хватаются за магические амулеты, бормоча заклинания, но их пальцы дрожат, и я вижу, как несколько защитных сфер тускнеют, прежде чем окончательно гаснут.

Алтаир делает шаг вперёд.

Я чувствую, как он напрягся, как его пальцы сжались в кулаки, а магия внутри него закипела. Белая, чистая, сверкающая, словно молния, она пульсирует в воздухе вокруг него, отбрасывая свет на разлившуюся по полу тьму.

И в этом контрасте — Белого дракона и его брата, явившегося из теней — я узнаю знакомую по книге вражду, но такого вторжения перед свадьбой в романе не было.

— Малгарт! — голос Алтаира звучит как удар молнии, словно небеса сами разразились гневом. — Убирайся!

Малгарт останавливается.

Тьма застывает вокруг него, подрагивая, будто ждёт его команды. Он поднимает голову, его губы кривятся в усмешке, алые глаза сверкают насмешкой, опасной, ленивой, но в ней скрыто нечто иное.

— Убирайся? — произносит он, и его голос бархатный, глубокий, но в нём есть тень насмешки, отголосок чего-то очень древнего. — Ты говоришь со мной так, будто имеешь право.

Алтаир делает ещё один шаг вперёд, его магия нарастает, воздух становится наэлектризованным, словно храм сам превращается в раскалённый клинок, готовый вонзиться в

грудь Чёрного дракона.

— Ты вторгся в мой дом. Ты осквернил наш союз. Уходи, пока можешь.

— Пока могу? — Малгарт смеётся, но в этом смехе нет радости, только ледяной интерес, только скрытая угроза. Он медленно оглядывает зал, лениво скользит взглядом по толпе, по жрецам, по сотням испуганных лиц, и только потом его взгляд останавливается на мне.

Я застываю.

Будто весь этот кошмар был о ком-то другом, пока он не посмотрел на меня.

— Я пришёл за тем, что мне принадлежит.

Малгарт смотрит прямо на меня; от этого взгляда хочется отступить.

Слова падают в храм, как свинец.

Малгарт поднимает руку, и тьма дрогнула, зашевелилась, поползла вперёд, направляясь ко мне.

Я сжимаю ладони в кулаки, стараясь не отшатнуться, но тело предательски напрягается.

— Эллерея — не твоя добыча. — Голос Алтаира твердый, как камень, как само солнце, ослепительное, непреклонное.

— Да ладно? — Малгарт делает ещё шаг, и тьма взрывается волной, от которой ближайшие гости валятся на пол, пытаюсь закрыться от нее. — Ты так в этом уверен?

Алтаир резко поднимает руку, белая магия расходится кольцом света, но Малгарт даже не шелохнулся.

— Сколько ты будешь от меня её прятать, брат?

Усмешка Малгарта исчезает, когда он произносит последнее слово.

Мир завис.

Брат.

Я чувствую, как кровь отливает от лица, а пальцы становятся ледяными.

Я?!

Прятать... меня?!

— Ты лжёшь. — Алтаир не двигается.

— А ты — боишься.

Алтаир шагает вперёд, его глаза сверкают гневом, и этот гнев ощущается почти физически — он вибрирует в воздухе, как раскалённый металл, как магия, готовая вырваться наружу и испепелить врага. Пространство вокруг него словно пульсирует светом, белая магия дрожит в напряжении, скользит по мраморному полу едва заметными волнами, искрится на кончиках пальцев. В нём нет сомнений, нет страха, только ярость, ослепляющая, безупречная, подобная солнечному удару.

— Ты не посмеешь.

Голос его громовой, твёрдый, как само правосудие, как неотвратимый приказ высших сил.

Но Малгарт даже не вздрагивает. Он просто улыбается, лениво, почти насмешливо, и в этом движении — полное отсутствие страха, полное осознание того, что он держит ситу-

ацию под контролем.

— Еще как посмею, — его голос глубокий, спокойный, но в этом спокойствии есть что-то жуткое, что-то, от чего по коже пробегает холод. — И ты это знаешь.

Между ними застывает воздух. Напряжение нарастает, разливается по храму тяжёлым предчувствием. Белый дракон сияет яростью. Чёрный дракон спокоен, как смерть.

Я в шоке. Все в шоке. Больше всех — я!

Я не дышу, не двигаюсь, только смотрю, как два брата — две противоположности, два полюса, два существа, чья вражда разрывает само пространство — смотрят друг на друга. Мир замер, застыв в хрупком равновесии, но я чувствую: это ненадолго. Всё вот-вот рухнет.

Я открываю рот, чтобы сказать хоть что-то, хоть слово, но мир уже рушится. Малгарт делает резкий шаг в мою сторону, и в этот момент что-то взрывается — не звук, не свет, а сама тьма, сжатая, скрученная, будто смятая в кулаке, вырывается из него с неистовой силой. Ветер бьёт в лицо, распахивает занавеси, гасит последние магические огни.

Тьма обвивает мои ноги, как живые нити, и в этот момент я понимаю, что не могу двинуться. Это не просто магия — это нечто большее, древнее, неумолимое, как сама судьба. Я ощущаю её, тёплую, почти ласковую, и от этого становится ещё страшнее.

Алтаир рвётся вперёд, его магия вспыхивает ослепительным сиянием, но Малгарт уже протягивает руку ко мне. Я

вижу его пальцы, длинные, сильные, обвитые чёрными узорами магии. Я вижу его взгляд, уверенный, спокойный, полную противоположность хаосу, что творится вокруг. Он не спрашивает, не предлагает, не колеблется. Он просто берёт.

Прежде чем я успеваю закричать, тьма закрывает от меня храм. Я ещё чувствую под ногами мрамор, но уже не вижу Алтаира.

Глава 6

Я не успеваю даже вдохнуть. Не успеваю отшатнуться, вывернуться, не успеваю даже испугаться как следует, потому что Малгарт движется быстро, уверенно, без тени сомнения. Его пальцы сжимаются на моей талии, мгновенно, точно, без единого шанса вырваться, и от этого прикосновения по спине пробегает ледяной ужас. Это не просто хватка, это капкан, холодный, жёсткий, непоколебимый.

Он держит меня так, будто я уже его, будто это не похищение, а что-то естественное, неизбежное, как закат после долгого дня. Будто это было решено задолго до меня, и я просто опоздала понять свою роль в этой истории.

Его лицо почти спокойно, ни капли ярости, ни намёка на торжествующую злодейскую улыбку. Хищник, но не яростный, не рвущийся в бой, а тот, что уже поймал добычу и знает, что она не убежит.

Я пытаюсь отбиться. Конечно, пытаюсь! Ору, бью его кулаками, колочу по груди, пытаюсь вывернуться. Но куда там! Его рука не сдвигается ни на миллиметр. Даже не дрогнет. Даже не покажет, что чувствует хоть малейший дискомфорт. Будто я — вредная кошка, царапающая бронированные доспехи.

И тут же всё меняется.

Мир опрокидывается.

Тьма выносит нас через распахнутые двери на площадь перед храмом.

Меня окутывает тьма.

Она не просто падает, не просто накрывает, как ткань. Она просачивается в кожу, заполняет воздух вокруг, сминает реальность. Я чувствую её тепло, её живую вязкость, и это уже не просто отсутствие света, это что-то большее, что-то опасное.

В воздухе что-то взрывается — не звук, не свет, а сама магия, живая, бурлящая, расплетающая пространство на нити, искажающая реальность. Волна силы бьёт в грудь, пробегает по коже тысячами горячих иголок, пробирается под рёбра, в лёгкие, в кости, заставляя сердце сжаться.

Малгарт меняется.

Это не постепенное преобразование, не медленное перетекание из одного облика в другой — это взрыв.

Тело разрастается в мгновение ока, как будто ткань мира рвётся, не в силах вместить его истинную форму. Одежда исчезает, распадаясь на частицы пепла, будто и не существовала, будто была лишь временной маской, иллюзией, необходимой, чтобы он мог сойти за человека.

Но теперь он — не человек.

Теперь передо мной он настоящий.

Дракон.

Огромный. Колоссальный. Заполняющий собой весь мир, вытесняя воздух, пространство, всю реальность.

Крылья, похожие на перепончатые плащи, сотканные из самой ночи, распахиваются за его спиной, закрывая небо, закрывая свет, закрывая всё. В глазах — раскалённые угли, мерцающие алыми отсветами, движущиеся, будто в их глубине бушует настоящее пламя.

Чешуя чёрная, как ночь, не гладкая, а угловатая, с зазубренными рельефами, словно каждая пластина — осколок разбитого стекла, сотканного из самой тьмы. Грудь вздымается с каждым тяжёлым вдохом, а когти, длинные, острые, как загнутые клинки, смыкаются вокруг меня гораздо крепче, чем хотелось бы.

Я затаиваю дыхание.

Потому что освободиться невозможно.

Потому что он держит меня так, что я понимаю: я принадлежу ему.

И это осознание страшнее, чем сам дракон.

Я ору. Не визжу, не вскрикиваю, а ору так, что сама бы испугалась, будь я на месте Малгарта. Шиплю, плююсь проклятиями, вспоминаю все самые отборные ругательства из трёх миров и пары фэндомов. Бью его по чешуйчатой лапе, колочу кулаками, пытаюсь вцепиться ногтями, но это всё равно что пытаться продырявить броненосец зубочисткой. Он даже не смотрит на меня! Даже не вздыхает раздражённо! Словно действительно носит принцесс на завтрак вместо гантелей.

— Поставь меня на землю, ты, драконья недоделка! — ры-

чу я, продолжая сопротивляться, хотя результат очевиден.

Ноль эмоций.

Только его железная хватка, только алые, раскалённые, но равнодушные глаза, которые даже не удостоивают меня взглядом. Будто я не пленница, не украденная невеста, а мешочек с золотом, который он прихватил по пути.

И тут Малгарт расправляет крылья.

Огромные. Громадные.

Они не просто разворачиваются, они накрывают небо, затмевают последние отблески света. В воздухе что-то трескается, как будто пространство не выдерживает его движения.

Я успеваю только вдохнуть.

А потом он взмывает в небо.

Ветер хлещет в лицо, как пощёчина реальностью. Платье развевается, закручиваясь вокруг ног, волосы мгновенно спутываются, уши закладывает от стремительного рывка вверх. Сердце делает попытку экстренной эвакуации через пятки, но я не даю ему шанса.

— АААААААААА!!!

Я не помню, чтобы так орала. Никогда.

Внизу паника.

Люди кричат, эльфы в ужасе вскидывают руки, маги что-то пытаются кастовать, но их заклинания разлетаются пылью, не достигая цели. Алтаир выбегает из храма на площадь, его лицо первый раз не идеально-спокойное, а искажённое яростью.

Но уже поздно.

Мы слишком высоко.

И спасения не будет.

Я всё ещё ору, всё ещё бью Малгарта по чешуе, всё ещё мечтаю, чтобы он взял и выронил меня обратно (желательно прямо на мягкую эльфийскую клумбу), когда снизу раздаётся ещё один рёв.

Гулкий, яростный, оскаленный чистым гневом.

И я понимаю — Алтаир.

Он взлетает.

Я вижу, как его сияющие белые крылья распахиваются, словно лучи света, разрывающие тьму. Как он взмывает следом, разгоняясь так стремительно, что воздух вокруг дрожит от напряжения. Как его голубые, чистые, благородные глаза сверкают решимостью.

Он прилетел за мной.

Боже.

Я всегда знала, что он герой.

Сердце стучит быстрее, надежда вспыхивает — он догонит нас, он схватит меня, он спасёт, как и должен был!

Я тяну руку, почти кричу его имя, но в этот момент Малгарт делает то, чего я не ожидала.

Он поворачивает голову и пыхает огнём.

Прямо в Алтаира.

Не просто пламенем.

Живым, пульсирующим, вязким чёрным огнём, который

не просто горит, а скользит, как жидкость, растекается в воздухе, превращая пространство в трескающийся, дышащий мрак.

Алтаир резко отшатывается.

На долю секунды кажется, что он прорывается сквозь огонь, что сейчас он окажется рядом, схватит меня и вырвет из лап Малгарта...

Но нет.

Он разворачивается.

Резко.

Бросает на Малгарта яростный, почти звериный взгляд, но... отступает.

РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ И УЛЁТАЕТ.

Я в шоке. В голове не укладывается. Он оставил меня. Оставил. Оставил. Мир, который ещё секунду назад был полон надежды, вдруг рушится. Я успеваю лишь охрипшим голосом прошептать:

— Алтаир...

Но он уже далеко. А Малгарт смеётся. Я вцепляюсь в Малгарта, потому что выбора у меня ровно два: либо униженно держаться за своего похитителя, либо упасть вниз с высоты, на которой даже птицы задумываются о завещании. Выбор, конечно, очевиден, но это не значит, что мне хоть каплю нравится происходящее!

Я чувствую, как под пальцами движется его чешуя, тёплая, ребристая, живая. Малгарт летит быстро, слишком

быстро, и ветер режет лицо, бьёт по глазам, спутывает волосы, а внизу — ужасающе далёкая земля, исчезающее в темноте королевство, моя уплывающая в небытие свадьба.

Я быстрее бы умерла, чем призналась, что мне страшно, но, кажется, мои пальцы, впившиеся в его чешую, кричат об этом за меня. Да ещё как кричат! Я держусь за него так, будто пытаюсь слиться с его телом и стать дополнительным рогом на голове, лишь бы не соскользнуть вниз.

И вот тут мне в голову лезет абсолютно нелогичная мысль. Он не воняет.

Вообще.

В книгах всегда писали, что драконы пахнут серой, гарью, кострами, тленом, разложением и всем таким ужасным. Ну или, в крайнем случае, как пережаренный стейк после очередного опаления врагов.

Но Малгарт...

Он пахнет дымом. Но не тем, что удушает, а густым, чарующим, как запах костра в ночь перед бурей.

Грозой. Свежестью молний, разрывающих тёмное небо, чем-то, что пахнет опасностью, но завораживает.

И ещё чем-то, что невозможно объяснить.

Что-то сильное. Древнее.

Что-то, что делает его совершенно чуждым этому миру.

Но мне уже некогда об этом думать.

Голова кружится.

Воздуха не хватает.

Мир вокруг начинает плыть, меркнуть, ускользать.

Внизу, где-то там, остался мой идеальный мир, мой идеальный жених, моя идеальная сказка, которую сорвали самым эффектным и непристойным образом.

Последняя мысль перед тем, как всё исчезает: ну и зачем я переживала, что свадьба будет скучной?

Сознание возвращается неохотно. Сначала просто звук — где-то далеко, приглушённо что-то потрескивает, скрипит, капает. Потом ощущения — неприятные, как если бы меня трижды утопили, а потом для верности отшвырнули на мостовую. Всё болит. Голова раскалывается.

Я стону, пробую пошевелиться и тут же понимаю, что лежу на чём-то мягком, но определённо враждебном. Оно пахнет старым деревом, пылью и чем-то неопределённо гниlostным, а ещё жутко скрипит, как вздыхающий от старости скелет.

Я приоткрываю глаза.

О нет.

Я не в дворце.

Я не в белоснежных покоях эльфийской принцессы.

Я в аду.

Разрушенный замок.

Своды обрушены, торчат обломки каменных арок, создавая ощущение, что само здание надломилось, как старый зверь, которого загнали в угол. Стены в трещинах, кое-где разошлись настолько, что между камнями можно засунуть

руку (чего я, конечно, делать не собираюсь, вдруг там гнездо крыс-мутантов?).

Я осматриваюсь и с ужасом понимаю, что не одна.

Со всех сторон за мной наблюдают.

Глаз много.

Чёрные, пустые, безразличные.

Статуи.

Огромные, мрачные, покрытые толстым слоем пыли и обвешанные паутиной, которая свисает с них клочьями, как траурные покрывала. Они стоят по всему залу, высеченные из камня фигуры драконов, воинов, магов, но все такие угловатые, грубые, словно сделанные не для красоты, а для устрашения.

Меня пристально разглядывает горгулья с расколотым крылом.

Я отворачиваюсь, потому что мне кажется, что ещё чуть-чуть, и она начнёт моргать.

Дышу глубже, пытаюсь успокоиться.

Это просто замок. Старый, мрачный, заброшенный, полуразвалившийся, потенциально проклятый, но всё же замок.

И вот тут меня прошибает холодный пот.

Если я здесь, значит, он тоже здесь.

Я застываю, пытаюсь услышать хоть что-то.

Тишина.

Где-то вдалеке шумит ветер, что-то постукивает, что-то шуршит.

Но его я не чувствую.

И это пугает ещё больше.

Стоит мне повернуть голову к дальнему окну, как я замечаю Малгарта. Он стоит там, спиной ко мне, абсолютно невозмутимый. Будто не похитил меня прямо со свадьбы, не превратил в самый громкий скандал столетия, не унёс в своё развалившееся логово, а просто... сходил на рынок за яблоками и теперь любитесь пейзажем.

Я моргаю. Потом снова. Нет, не показалось. Он действительно не обращает на меня никакого внимания! Стоит, заложив руки за спину, глядит в окно, а его силуэт — холодный, тёмный, мрачный, будто высеченный из ночного камня. Ветер лениво треплет чёрные пряди его волос, и даже его поза говорит: «Мне всё равно. Абсолютно. Безоговорочно. Тебя тут вообще нет.»

Я открываю рот, но слов нет. Они теряются где-то между истерикой, гневом и первыми признаками нервного тика. Где злодейская речь? Где угрозы, допросы, шантаж? Где хоть что-то, что объяснит, что вообще произошло?!

Наконец, я нахожу голос, и это должна была быть гневная, резкая тирада в стиле: «ЧТО ЭТО, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, БЫЛО?! КУДА ТЫ МЕНЯ ПРИТАЩИЛ?! И ЧТО ЗА ДРАКОНЬИ ШУТКИ, В КОНЦЕ КОНЦОВ?!»

Но не успеваю я выдать даже первую фразу, как он лениво бросает через плечо:

— Ты мне особо не нужна. Найди себе что-то поесть и

выбери комнату.

Он даже не оборачивается. У меня от унижения вспыхивают щёки.

...Что?!

Я зависаю. Полностью.

И мозг, который только что был готов кипеть от возмущения, просто останавливается.

Я не нужна ему.

Просто взял, похитил, унёс — и теперь даже не хочет обсуждать?!

Молчание.

Я перевариваю сказанное.

Малгарт не поворачивается, даже не делает попытки посмотреть на меня.

И тут меня накрывает ярость.

Не нужна?!

НЕ НУЖНА?!

Тогда какого, простите, чёрта, он разрушил мою свадьбу, уложил в обморок, унёс в эту рухлядь и теперь ведёт себя так, будто я просто неудачная покупка на рынке?!

Я сжимаю кулаки.

О нет. Вот так просто я это не оставлю.

Замок был мрачный, пустой и совершенно негостеприимный. Как старый склочный аристократ, которому плевать на приличия. Полумрак, холодные камни, ветер завывал в коридорах так, будто сам дом стонал от тоски по былым време-

нам. Я брела вперёд, сторбившись, кутаясь в ткань измятого свадебного платья и мрачно размышляя, какой ещё сюрприз мне подбросит судьба.

Ответ пришёл очень быстро — гоблин.

Он появился так внезапно, что я чуть не подпрыгнула. Просто стоял в тени, скрестив руки на груди и изучая меня так, будто увидел не похищенную принцессу, а крысу, случайно забежавшую в кухню. Невысокий, костлявый, с морщинистым зелёным лицом и длинными ушами, одно из которых был надкушен (кем, спрашивается?!), он смотрел на меня со смесью подозрения и глубоко укоренившегося недоверия к жизни в целом.

Одет он был... специфически. То ли во что-то, что когда-то было камзолом, но сильно пережило своего хозяина, то ли просто в половую тряпку на пуговицах. Когда-то ткань, наверное, и правда была роскошной, но теперь вся вытерлась, выцвела и имела тот вид, который заставляет вещи внезапно исчезать из шкафа при генеральной уборке.

— Таки забрал? — буркнул он, склёвывая меня взглядом с ног до головы.

Ага, прекрасно. Даже гоблин в этом доме знает, что я тут не по своей воле.

— Забрали... кого? — я моргнула, не до конца понимая, что он имеет в виду. — Меня? Пленницу? Гостью? Или, страшно сказать, жену?

— Навсегда, — хмыкнул он и пошёл дальше по коридору.

Я зависла.

То есть... что? НАВСЕГДА?!

Мой мозг официально отказывается это переваривать.

Гоблин не спешил исчезать в тенях навсегда, как я уже было решила. Напротив, он остановился, склонил голову и прищурился на меня, будто пытался определить, не заразная ли я.

— Кстати, — проворчал он, скрестив костлявые руки на груди. — Имя моё — Грог.

— Приятно познакомиться, Грог, — автоматически ответила я, хотя ничего приятного в этом знакомстве пока не наблюдалось.

— Это мы ещё посмотрим, — глубокомысленно изрёк он, склонив голову набок. — Чё стоишь, как привидение перед своей могилой? Пошли.

— Куда? — нахмурилась я, но, конечно, двинулась следом.

— Как куда? В твои покои, — он фыркнул, словно это была очевиднейшая истина мироздания, и зашагал вперёд, издавая хлюпающие звуки ботинками, которые, кажется, давно хотели на пенсию.

Я бы ещё поспорила, что я не собиралась оставаться тут надолго, а тем более навсегда, но во-первых, спорить с существом, которое на голову ниже тебя, но ведёт себя так, будто управляет этим замком лично, а Малгарт просто арендует у него подвал, показалось плохой идеей. А во-вторых... Меня

ждала кровать.

После того, как меня украли со свадьбы, чуть не уронили с километровой высоты, перевезли в руины, оставили на грязном диване и вдобавок лишили ужина, перспектива хоть какого-то уединённого места казалась хоть каким-то проблеском надежды.

Мы шли через коридоры, покрытые паутиной, мимо старых дверей, на которых осела вековая пыль, по ступеням, от которых исходило зловещее предчувствие внезапного обрушения. Замок стонал, скрипел, вздыхал, но Грог, судя по всему, был ко всему этому привычен.

Я уже начала бояться, что мне предложат комнату в башне без крыши, но, о чудо, Грог привёл меня в правое крыло.

Двери, перед которыми он остановился, выглядели совсем даже неплохо. Они не были сломаны, покрыты плесенью или нарисованы мелом, как проход в ад. Это уже радовало.

— Входи, — проворчал Грог, толкнув дверь.

Я осторожно заглянула внутрь и... зависла.

Комната оказалась не просто нормальной — она была хорошей. Не роскошной, конечно, но на фоне всего остального замка — просто дворец.

Большая кровать с резными колоннами и потёртым, но ещё вполне себе приличным балдахин. Окна с толстыми шторами, а у них уютные ниши с подушками, куда так и хочется завалиться с книгой (которой у меня, конечно, нет). В углу — массивный шкаф, рядом какой-то стол, даже камин

есть, правда, в нём не горит огонь, а внутри что-то подозрительно шуршит. Надеюсь, это не будет моим ужином.

Я недоверчиво обвела всё взглядом и обернулась к Грогу.
— И это... специально для похищенных принцесс?

Гоблин фыркнул, скрестил руки на груди и воззрился на меня с явной жалостью.

— Девочка, какие принцессы? Кто, по-твоему, сюда вообще по доброй воле заглядывает? Просто тут Малгарт не ходит, вот и не развалилось.

Я медленно кивнула. Логика железная.

Грог уже собирался уходить, но я быстро схватила его за рукав.

— Стой! А с едой у вас как?

Я цепляюсь за край двери, боясь, что он уйдёт прежде, чем ответит.

Гоблин посмотрел на меня с таким искренним недоумением, что мне вдруг резко расхотелось знать ответ.

— Как-как? Жена моя принесёт.

Жена.

Я моргнула.

— У тебя есть жена?

Я оглядываюсь на пустой коридор, уже жалея о своей бестактности.

— А что, я не похож на женатого мужчину?! — Грог возмутился так, словно я оскорбила всю его родословную.

— Ну-у... — Я покосилась на его потрёпанный камзол,

длинные уши и сморщенное зелёное лицо. Честно говоря, не очень.

Грог подозрительно прищурился, но тему развивать не стал.

— Короче, принесёт еду, приготовит тебе ванну — и не ной.

Я медленно переварила услышанное и с подозрением уточнила:

— А ты, значит, не приносишь?

Не удержавшись, я приподнимаю бровь.

Грог фыркнул ещё громче.

— Я — дворецкий. В мои обязанности не входит нянчить всяких девиц, которых наш хозяин притаранил, сам не зная зачем.

Грог не выглядел слишком разговорчивым, но, как оказалось, стоило его чуть поддеть — и поток информации хлынул так, будто я случайно разбила сосуд с драконьей кровью и теперь мне нужно убирать последствия.

Разговор начался с простого вопроса.

— А Малгарт вообще... ну... насколько он опасен?

Грог приостановился, прищурился и задумчиво почесал ухо.

— Опасен для кого?

— Для всех. — Я сделала широкий жест, охватывая и себя, и этот мрачный замок, и, возможно, весь мир.

Гоблин хмыкнул.

— Раньше — да был опасен.

Раньше.

Меня зацепило это слово.

— А сейчас?

Я жду ответа, всё крепче сжимая руки.

— Сейчас, — Грог со вздохом потрогал рукав своего камзола, задумчиво разглядывая выцветшие от времени нитки,
— ну, скажем так... сейчас у него даже армии нет.

И тут у меня челюсть отвисла.

— ЧТО?! — я почти задохнулась от удивления.

Грог повёл плечами, словно эта информация не стоила моего шока.

— Ну вот так. Нет у него армии.

Я нахмурилась.

— Но он же... дракон.

Недоумение вырывается раньше, чем я успеваю прикусить язык.

— Ну и что? — Грог посмотрел на меня так, будто я спросила, почему воздух прозрачный.

— Драконы обычно... э-э... правят, уничтожают врагов, ведут за собой легионы... — начала я, растерянно перебирая в голове все образцы достойных злодеев, которые приходили мне на ум.

Грог фыркнул.

— Это у тех, у кого есть легионы.

Оу.

— А у Малгарта, значит, нет? — спросила я осторожно, чувствуя, как картина моего грозного похитителя начинает трещать по швам.

Грог развёл руками.

— И не предвидится.

Я моргнула, пытаясь осознать услышанное.

Значит... у моего страшного, ужасного похитителя нет армии.

Нет воинов, нет магов, нет даже жалкой кучки преданных приспешников?

И что же выходит?

Я не пленница могущественного злодея.

Я пленница обанкротившегося дракона, которого никто не поддерживает и который сидит в руинах?

— Ага... А богатства есть?

Я пытаюсь улыбнуться, хотя надежды на ответ почти нет.

— Тоже нет.

Грог пожимает плечами, совершенно не смущаясь.

— Замок этот?

Я недоверчиво оглядываю потолок.

Гоблин фыркнул, выразительно оглядел осыпающиеся стены, треснувший потолок, что-то подозрительно шевельнувшееся в углу, и многозначительно замолчал.

— Ясно, — протянула я. И замка, считай, нет.

Грог, кажется, решил, что я ещё недостаточно потрясена, и продолжил методично разрушать мои представления о

грозном Чёрном Драконе.

— В прошлом Малгарта боялись и слушались, — Грог понизил голос, словно стены могли донести хозяину. — После смерти Аэрины он от всех отвернулся. Союзники разошлись. Остались только мы.

Я настороженно прищурилась.

— Аэрины? — Я перестала усмехаться. — Его жены?

— Хозяйки этого дома, — подтвердил Грог, проводя пальцами по потёртому рукаву.

— Что с ней случилось? — спросила я тише.

— Убили. Хрустальной пулей, — выговорил он и отвёл взгляд. — О подробностях спросишь хозяина, если решишься. Я при том не был.

— Она была драконицей? — Я невольно вспомнила страницы о хрустальном оружии.

— Из Серебряного клана, — кивнул Грог. Губы его сжались, и я поняла, что больше он не расскажет.

Я убрала руку с его рукава. От прежнего желания дразнить дворецкого не осталось ничего.

— Сейчас про Малгарта вспоминают только для того, чтобы проклинять.

Прекрасно.

— То есть, — я скрестила руки на груди, пытаюсь разобраться в услышанном, — мой похититель не просто злодей, а банкрот, у которого даже замок на грани обвала?

— Не обобщай, — буркнул Грог, но как-то неуверенно.

— Ой, да ладно, — хмыкнула я, обводя взглядом комнату, где из всех признаков бывшего величия остались только паутина да мрачное освещение.

Грог вздохнул, махнул рукой, что-то пробормотал и ушёл, оставив меня одну среди остатков былой славы.

Позже его жена принесла ужин и горячую воду. После ванны я нашла в шкафу простое домашнее платье и мягкие туфли. Свадебный наряд остался висеть на дверце — мятый памятник моей первой несостоявшейся свадьбе.

Я стояла посреди комнаты, медленно осознавая, в какую же глубокую задницу меня занесло.

Бежать? Ну да, конечно. Куда? Прекрасный вопрос! Я ни малейшего понятия не имею, где нахожусь. И даже если бы знала... ну да, сбежала я из замка Малгарта. Дальше что? Обратно к Алтаиру? Ой, как смешно, ещё бы разыграть в кости, кто меня первым прирежет — мой бывший жених или отец Эллерии.

Звать на помощь? Ага, конечно. После того, что произошло на свадьбе, вряд ли кто-то бросится меня спасать. Скорее, соберут консилиум и постановят, что позор семьи лучше тихонько похоронить в заброшенных руинах.

Нет. Я тут застряла.

А значит, остаётся только один вопрос.

Какого чёрта Малгарт меня похитил, если теперь ведёт себя так, будто я мебель?!

Я хочу знать!

Я имею право знать!

И если этот мрачный дракон думает, что я просто буду сидеть в углу и молча ждать своей судьбы, то он очень, очень плохо меня изучил.

Глава 7

Коридор тянулся, словно змея, извиваясь в темноте, и с каждым шагом мне всё больше казалось, что стены здесь дышат. Они впитывали время, скапливали в своих трещинах шёпоты прошлого, наблюдали за мной невидимыми глазами. Воздух был прохладным, влажным, пропитанным вековой сыростью, а где-то далеко-далеко, совсем на грани слышимости, капала вода, создавая идеальную атмосферу для появления призрака с незакрытым гештальтом. Я провела ладонью по каменной кладке, холодной и шероховатой, пытаюсь не думать о том, сколько поколений пауков успело устроить здесь свои дворцы, и почему вообще брежу в этом полумраке, словно жертва собственного любопытства.

Именно в этот момент я услышала голос.

Детский.

Тихий, сбивчивый, с той едва уловимой дрожью, которая бывает, когда говоришь не для себя, но и не для других. Будто слова просто вырываются наружу, потому что не могут не вырваться.

Я замерла.

Мгновенно.

Без единой мысли в голове, без малейшего понимания происходящего. Просто застыла в холодном воздухе замка, как статуя, с которой сдули пыль, но забыли оживить.

Дети. Здесь?

Это невозможно.

В этих коридорах, затянутых полумраком, не должно быть никого, кроме меня, Грога, его жены и моего «Я похитил тебя, но мне всё равно» Малгарта. Этот замок — гробница прошлого, дом для призраков, но не для детей.

А голос точно детский.

Я чувствовала, как сердце вдруг сбивается с привычного ритма, отбивая неуверенный, глухой ритм тревоги. Шаг вперёд, ещё один — я двигаюсь на звук, стараясь ступать мягко, будто сама стала тенью, частью этого замка, скользящей по его тёмным коридорам. Чувство странное, неприятное, будто я приближаюсь к чему-то, чего видеть не должна, но обязательно увижу.

Голос звучал совсем рядом, за поворотом.

Я затаила дыхание, на секунду замерла, прислушалась.

Ребёнок говорил с кем-то. Или с собой?

Я шагнула дальше.

И увидела его.

Я осторожно выглядываю из-за угла и замираю, потому что первое, что вижу, — это две худые детские руки, сжимающие край слишком длинного рукава. Затем — маленькую фигурку, свернувшуюся в нише у окна, упрямо вжимающуюся в холодный камень, будто старающуюся исчезнуть.

Мальчик.

Щуплый, худой, с тёмными растрёпанными волосами,

спадающими на лоб неаккуратными прядями, и в поношенной тунике, которая явно досталась ему не по размеру. Ткань потёрта на локтях, чуть подшита внизу, но уже разошлась по швам, и мне даже не нужно трогать её, чтобы понять — она старая, выцветшая, будто ему давно не давали ничего нового.

Он не замечает меня сразу.

Сидит, неподвижный, настороженный, сгорбленный так, словно боится, что любое резкое движение выдаст его присутствие. Мне вдруг становится неуютно от мысли, как часто он так сидел. Один. В этом холодном каменном замке, где от стен веет сыростью, где сквозняки гуляют по коридорам, а единственное тепло идёт от пыльного солнца, пробивающегося через старые витражи.

И тут он поднимает голову.

И я вижу его глаза.

Алые. Глубокие. Драконьи.

Глаза Малгарта.

Слишком взрослые для детского лица, слишком выразительные, полные чего-то, что я не могу сразу расшифровать. Там нет страха. Нет злости. Только тихая настороженность, глухая обречённость и что-то ещё, что заставляет меня затаить дыхание.

Всё становится кристально ясным.

Это его сын.

Сын Чёрного Дракона.

Маленький, одинокий, заброшенный в этих каменных стенах, как забытая книга на самой высокой полке, на которую никто не смотрит.

Меня накрывает осознанием, тяжёлым, давящим.

Я стою перед ребёнком, которого не должно было быть. Перед тем, о ком Малгарт даже не упомянул.

И почему-то это злит даже сильнее, чем всё, что он сделал со мной.

Мальчик замечает меня и тут же сжимается в комок, будто пытаюсь стать меньше, незаметнее, исчезнуть в складках собственной одежды. Его плечи подрагивают, пальцы цепляются за край туники, словно это единственное, за что можно удержаться в этом мире, и мне не нужно видеть, как его губы слегка дрогнули, чтобы понять — он испуган.

Но не так, как боятся монстров, злодеев, чудовищ, скрывающихся в тенях.

Так, как боятся разочарований.

Как боятся того, что ещё один человек отвернётся, уйдёт, бросит.

От этого осознания у меня сжимается горло, но я не делаю резких движений. Не приближаюсь, не опускаюсь перед ним на колени, не тянусь с успокаивающими жестами. Я просто стою.

Не ухожу.

— Ты кто? — наконец спрашивает он. Голос хрипловатый, немного ослабший от долгого молчания, но в нём есть

стальная нить настороженности, недоверия.

— Алиса, — отвечаю по привычке, но тут же осекаюсь.
— Эмм... Эллерия.

Улыбаюсь. Аккуратно, без резкости, без того, чтобы показаться навязчивой. Я не знаю, какой должна быть правильная улыбка в этой ситуации, но кажется, что мне важнее всего не спугнуть этот момент.

Он смотрит на меня долго.

Пристально.

Так, словно пытается разглядеть что-то невидимое под моей кожей, словно ищет ответ на вопрос, который никогда не задаст вслух.

Потом медленно моргает.

— А тебя как зовут?

Я опускаюсь ниже, стараясь не нависать над ним.

Мальчик смотрит на меня подозрительно, выжидающе, как будто пытается понять, опасна ли я, собираюсь ли что-то отнять или просто исчезну, как, возможно, исчезали другие. Он не делает попытки приблизиться, не расслабляется, даже не моргает слишком часто — просто сидит неподвижно, будто готовится к тому, что я уйду первой.

— Риан, — наконец отвечает он.

Имя короткое, звонкое, но в нём есть что-то отстранённое, чуждое, отголосок одиночества, которое, кажется, давно стало его привычной тенью.

Я не знаю ничего о нём.

Не знаю, кто его растил, если растил вообще. Не знаю, говорят ли с ним, заботятся ли о нём, ждут ли его.

Но почему-то, стоя здесь, в этом старом, заброшенном, слишком большом для одного ребёнка замке, мне кажется, что ответы на эти вопросы не слишком радуют.

Риан сначала держится настороженно, напряжённый, как зверёк, привыкший, что за каждым шагом может последовать удар. Он изучает меня внимательно, будто пытаюсь определить, не стану ли я той, кто тоже отвернётся и уйдёт, оставив его здесь одного, как, возможно, уже делали другие. В его взгляде ещё есть настороженность, но уже нет страха.

Я не двигаюсь резко, не задаю вопросов, не смотрю на него с жалостью — просто жду. Даю ему возможность решить самому, заговорить самому, сделать шаг навстречу самому.

И он делает.

— Раз уж ты тут... — голос его всё ещё хриловатый, но уже более уверенный. Он пожимает плечами, словно ему всё равно, но в этой нарочитой небрежности чувствуется лёгкая, почти детская гордость. — Могу рассказать, что тут и где.

И вот тут у меня появляется чувство, что он не просто хочет показать замок.

Он хочет, чтобы его увидели.

Чтобы заметили его мир, который, возможно, давно перестали замечать.

— Давай, — соглашаюсь я, и он едва заметно расправляет плечи, словно с каждым словом его спина становится чуть

прямее, чуть крепче, чуть выше.

Он делает первый шаг вперёд, уверенный, привычный, и я следую за ним, чувствуя, как в этом пустом, холодном замке внезапно становится теплее.

И всё, о чём я могу думать в этот момент, — сколько времени он проводил в этих коридорах один.

Мы идём по замку, и с каждым шагом мне всё сложнее осознать его масштаб. Он не просто большой, он огромный, старый и таинственный, словно вырванный из другой эпохи. Величественные залы с высокими потолками, где пол усыпан пылью, а люстры покрыты паутиной, длинные извилистые коридоры, ведущие в комнаты, куда, кажется, никто не заходил уже века.

Мы проходим мимо библиотеки, и первое, что бросается в глаза, — стеклянные шкафы. Книги заперты за стеклом, словно реликвии, будто их нельзя просто так взять и открыть, будто знания, что в них хранятся, принадлежат только тем, кто умеет читать между строк. Здесь пахнет старыми свитками, древесиной и лёгким оттенком пыли, и мне вдруг хочется остановиться, пробежаться пальцами по корешкам, почувствовать, какие истории скрыты за этими запретными дверцами.

Мы минуем балкон с потрескавшимися колоннами. Камень здесь осыпался, но в просветах между ним виден безбрежный тёмный горизонт. Ветер проносится сквозь щели, как шёпот, принося запах далёких лесов и ещё чего-то, чуть

горького, может, магии, а может, прошлого.

Но среди всего этого запустения есть следы былой жизни.

Риан останавливается у большого арочного окна, откуда открывается вид на заросший двор.

— Здесь раньше был сад, — говорит он, голос его ровный, но в нём звучит что-то странное, будто тоска, замаскированная под простое воспоминание.

Я смотрю вниз. Там, где когда-то, возможно, был цветущий сад, теперь виднеются заросли, извивающиеся сухие лозы, поваленные статуи, наполовину погребённые под опавшими листьями. Каменная дорожка почти исчезла под слоем мха, и только в некоторых местах, где пробиваются редкие алые цветы, можно представить, каким этот сад был когда-то.

— Мама любила его, — продолжает он, глядя в окно. — Грог рассказывал, что она сама сажала цветы и не давала никому ломать ветки.

Я молчу.

Потому что не хочу разрушить этот момент.

Я пытаюсь представить, как этот замок выглядел тогда, в её времена. Возможно, он не был таким тёмным, не был таким холодным. Вместо гулкой пустоты — шаги, вместо сырого воздуха — аромат свежих трав, вместо тишины — голос женщины, смеющейся среди лепестков.

— Потом... — он замолкает, и я вижу, как его пальцы сжались в тонкие кулачки, скомкав подол туники. Голос стал

тише. Почти беззвучным.

— Говорят, когда её убили, всё начало умирать. — Он потёр нос рукавом, не поднимая глаз.

Эти слова опадают в воздух, как осенние листья, заполняя собой пространство.

— Убили? — мой голос звучит слишком тихо.

Риан кивает. Спокойно. Слишком спокойно для такого слова.

— Хрустальной пулей.

Я вздрагиваю, будто холод пробежал по коже.

Хрусталь.

Он убивает драконов. Как и написано в книге. Чисто, быстро, без остатка. Это не просто металл или яд, не просто оружие. Это приговор.

Драконы умирают, если хрусталь касается их крови.

И его мать...

Я сглатываю.

— Кто? — мой голос звучит чуждо, глухо.

Риан жмёт плечами. Легко, почти безразлично, как будто мы обсуждаем погоду, а не убийство.

— Я не знаю, — пробормотал он, отводя взгляд. — Папа не рассказывает.

Он на мгновение замирает, глядя в окно, а потом добавляет:

— Папа никогда не говорит.

Я моргаю.

Риан не знает, кто её убил. А Малгарт молчит.

Но разве он не должен был искать?

Разве не должен был разорвать этот мир в клочья, пока не найдёт того, кто это сделал?

От этой мысли становится не по себе.

В моей голове Малгарт — это буря, это холодная ярость, это сила, которая не терпит поражений. Но он не нашёл убийцу? Не искал? Или... нашёл, но не отомстил?

Я отгоняю эти мысли, потому что не знаю, хочу ли знать ответ.

И смотрю на Риана.

В его голосе нет слёз, нет ярости, нет отчаяния.

Только усталое принятие.

Как будто это не трагедия, а просто ещё одно неизбежное событие в череде таких же. И именно это колет в сердце сильнее всего.

— Так что я не знаю, зачем папа привёл тебя, — вдруг произносит он. — Ты же эльфийка.

Я моргаю, не сразу понимая, что он имеет в виду.

Но потом доходит.

Его мама была драконицей, как и сказал Грог.

А я?

Я — нет.

И вопрос, который он не задаёт вслух, но который уже висит в воздухе, становится ледяным эхом в моей голове.

Зачем я здесь?

— Отец... он не особо ко мне подходит, — говорит Риан, и в его голосе звучит грустная усмешка, слишком взрослая для его возраста, слишком смирившаяся с реальностью, в которой он живёт.

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду.

Просто слова, просто констатация факта, к которой он, похоже, уже привык.

Но потом до меня доходит.

— Почему? — осторожно спрашиваю я, хотя уже знаю, что услышу что-то, что мне не понравится.

Риан замолкает.

Нехотя отводит взгляд, разглядывает стену, будто ища в камне ответ на мой вопрос.

— Потому что я не летаю, — говорит он тихо.

И внутри меня всё опускается.

— Не летаешь?

Вопрос вырывается слишком быстро, и я тут же жалею о нём.

Он медленно качает головой.

— У драконов крылья появляются сами. Просто... однажды ты просыпаешься — и они есть. В первый раз они слабые, маленькие, но ты их чувствуешь. И потом они растут. А у меня... — он пожимает плечами. — Мне уже десять, а я их не чувствую.

Я моргаю, не находя, что сказать.

Потому что я не знаю, что можно сказать в такой момент.

Малгарт — дракон. Сильный. Великий.

А Риан — его сын. Дракон, который не может летать.

Неужели Риан решил, что отец считает его ошибкой?

Меня накрывает волна возмущения, такая тяжёлая, что в висках начинает стучать.

Как можно не любить своего ребёнка только за то, что он не такой, каким ты его хотел видеть? Как можно смотреть на него и видеть не личность, не живое существо, не своего собственного сына, а только его «недостатки»?!

Малгарт, проклятый ты ублюдок, если у тебя хватило силы разрушить мою свадьбу, забрать меня сюда, заточить в этом замке, то почему её не хватает, чтобы просто быть рядом со своим ребёнком?!

Я смотрю на Риана.

На его слишком спокойное лицо.

На его слегка опущенные плечи.

На то, как он говорит о себе — так, будто уже привык, что ничего не изменится.

И мне вдруг очень хочется пойти к Малгарту прямо сейчас. Разнести его двери в щепки.

И выбить из него всю эту холодную, безразличную чушь, в которую он, кажется, искренне верит.

Я не раздумываю. Не взвешиваю слова, не продумываю, как правильно подойти к этой теме, не анализирую возможные последствия. Я просто кладу ладонь ему на голову, осторожно, мягко, с той естественной теплотой, которая, кажет-

ся, становится редкостью в этом замке.

Его волосы чуть жёсткие, тёплые от его же тепла, растрёпанные, будто их никто никогда не приглаживал. Мне вдруг хочется остановить этот момент, зафиксировать его во времени, дать этому ребёнку хоть крошечный островок уюта в этом огромном холодном мире.

— Это не важно, — говорю я, и голос звучит твёрдо, уверенно, без капли сомнения.

Риан резко дёргается назад, словно обжёгся, и его алые глаза вспыхивают яростью, возмущением, злостью, которой, кажется, не должно быть у ребёнка.

— Мне не нужна твоя жалость!

Сказано резко, жёстко, с обжигающей эмоцией, которая хлещет, как пощёчина.

Я моргаю, не успев даже сформулировать ответ.

А он уже разворачивается и бежит прочь, шаги гулко отдаются в каменном коридоре, маленькая фигурка мелькает в сумраке, и вот — исчезает.

Я остаюсь стоять, сжимая пальцы, где ещё секунду назад была его голова.

И впервые по-настоящему осознаю, насколько этот ребёнок привык быть один.

И насколько сильно он этого не заслуживает.

Глава 8

Просыпаюсь с ощущением, что если я ещё один день проведу в этом ледяном каменном саркофаге в состоянии сомнительной невесты у мрачного злодея-отшельника, то мои мозги окончательно протекут сквозь уши и прилипнут к подушке. Подушки, к слову, пропахшей старой сыростью, гоблиным моющим средством и, возможно, вековым отчаянием. Где-то за стеной завывает ветер, в углу капает вода, а в душе у меня завываю я. Потому что жить так — нельзя.

Плесень здесь везде — на стенах, в воздухе, возможно, даже в отношениях между местными. Вчерашний ужин принесли поздно. Сегодня завтрак всё не появляется, а подаёт еду гоблиншей с лицом, будто я лично прокляла её на бессмертие и теперь она мстит мне тарелками с подозрительным супом. Условия — что сказать? Мечта каждой уставшей невесты, сбежавшей от алтаря: холод, голод и паутина, которая не просто свисает, а, кажется, следит за мной и оценивает мои причёски.

Замок, конечно, эффектный — мрачный, высокий, с готическими сводами и атмосферой «добро пожаловать, здесь вас не ждали». Он мог бы быть прекрасен, если бы не выглядел так, будто его последний хозяин просто вышел за хлебом триста лет назад и больше не вернулся. Внутри всё серое, выцветшее, заброшенное — как надежды моей прежней

жизни.

Я брожу по коридорам, по-кошачьи ступая на каменные плиты, потому что тапочек здесь нет, а ноги, по ощущениям, уже отморозили себе индивидуальность. Чем дальше иду, тем сильнее во мне зреет мятежная, безумная мысль, на которую в нормальной жизни я бы не решилась даже под угрозой сессии по философии. Но здесь, где стены хранят шепоты ушедших веков, а потолки нависают так, будто ждут удобного момента рухнуть мне на голову, эта мысль растёт, как сорняк в трещине: «А может... к чёрту всё?»

К чёрту роль декоративной пленницы, к чёрту великого угрюмого дракона с комплексом молчаливого ледника, к чёрту сидеть сложа руки, глядя, как пыльная реальность засасывает меня, как трясина. Я не в той сказке, чтобы быть фоном. Если уж я попала в замок с башнями, подземельями и заколдованными гоблинами — значит, пора наводить порядок. И желательно, пока я не начала разговаривать с крысами. Хотя... если это будут разговорчивые крысы, может, они мне и пригодятся.

Я брожу по коридорам с видом вдохновлённой беды, всё больше убеждаясь, что здесь давно пора наводить порядок. А ещё... говорить. О главном. Я больше не могу держать в себе то, что застряло в груди, как кость в горле. И если Малгарт думает, что я приду к нему только по вопросам кровати, еды или обоев — он явно недооценивает уровень моей пассивной агрессии, готовой перерасти в активную.

Я нахожу его там же, где он обитает чаще всего — у окна, глядящего в никуда. Стоит, как тень своей легенды, красивый, опасный, и... бесконечно далёкий. Прекрасная статуя «величие и холод», ожившая по приказу злой ведьмы, которая не оставила инструкций, как включать чувства.

— Ты когда собирался рассказать мне, что у тебя есть сын? — спрашиваю, не теряя ни капли решимости. Голос звучит спокойно, даже слишком. Это, как известно, всегда самое страшное.

Он поворачивает голову, медленно, с ленцой ящерицы, которой помешали дремать на тёплом камне.

— Это имеет значение?

Малгарт поднимает подбородок, словно уже готов к обвинению.

— А как ты думаешь? — я скрещиваю руки на груди, прищуриваюсь. — Я живу здесь. И вдруг оказывается, что в коридорах бродит ребёнок. Один. Без присмотра. Без любви. Без... крыльев.

Он вздрагивает едва заметно, но я вижу. О да, я вижу. Попала. Приятно.

— Он не нуждается в жалости.

В его голосе появляется предостережение.

— Ты сейчас о себе или о нём? — парирую я, делая шаг вперёд. — Ты думаешь, что если сделать лицо пострашнее, то это заменит воспитание? Или это твоя особая методика: пусть выживает, если сможет?

Он молчит. Смотрит на меня. Алые глаза темны, как вино в глубокой чаше. В них можно утонуть или разбиться. И всё равно я не отступаю.

— Ты знаешь, как он смотрит на тебя? — продолжаю, и голос у меня дрожит не от страха, а от злости. — Как на звезду, до которой никогда не дотянуться. Он не просит ничего. Даже любви — не просит. Потому что, видимо, слишком рано понял, что просить у тебя бессмысленно.

Тишина становится плотной, как ткань. Он не отвечает. Но и не уходит. А значит — слушает.

— Ты можешь быть кем угодно. Драконом. Убийцей. Проклятым изгнанником. Но ты — отец, Малгарт. Отец. И у тебя есть ребёнок, который не летает. Не потому что не хочет. Потому что не может. А ты вместо того, чтобы дать ему крылья хоть в метафоре — срезаешь их до корней, молча, каждый день.

Он делает шаг ко мне, и я чувствую, как магия колышется в воздухе. Давящая, опасная, как грозовая туча. Но мне всё равно.

— Не смей приближаться, если собираешься пугать. Я уже в твоё логово переехала — и не такими лицами встречала утро, — выдыхаю я. — И если ты думаешь, что я оставлю всё как есть — ты плохо читал сценарий.

Он останавливается. Молчит. И, клянусь, где-то в глубине его взгляда пробегают нечто... неуловимое. Тень сомнения. Или, может, сожаления. Но мне хватит.

— Я пойду, — бросаю я напоследок. — У меня работа: превращать твою готическую берлогу в нечто, пригодное для жизни. Хотя бы для твоего сына.

И ухожу. С гордо поднятой головой и колотящимся сердцем. Потому что, возможно, я только что бросила вызов дракону. А возможно — спасла одного маленького мальчика. И если уж я попала в этот мир, то, чёрт побери, не для того, чтобы быть здесь фоном.

Идея пришла внезапно, как обычно приходят самые безумные и самые лучшие идеи — из ничего. Из воздуха, из отчаяния, из раздражения, вызванного особенно наглой паутиной, которая, похоже, решила навсегда поселиться в люстре прямо над моим лбом. Я стояла посреди одного из бесконечных залов, глядя на осыпающуюся лепнину, и вдруг всё сложилось в голове, как пазл: гостиница. Да-да, именно так. Где другие видят мрак, пыль, вековую разруху и ощущение, будто вот-вот из-за угла выйдет привидение графини-убийцы, я вижу перспективу. Видела бы ты, дневник, эти анфилады! Эти высокие потолки! Эти окна с витражами, через которые солнечный свет — редкий гость в этом царстве теней — рисует на полу сюрреалистические картины.

И я подумала: а что, если перестать выживать и начать... развиваться? Превратить замок в гостиницу. Не просто ночлежку, а атмосферное место, куда будут стекаться уставшие путешественники, маги в творческих кризисах, романтичные барышни в поисках вдохновения, да и просто те, кто хо-

чет пощекотать себе нервы, остановившись на ночь в «мрачном, забытом богами замке, где по ночам бродит Тень прошлого» — название ещё подумаю, но маркетинг уже в голове работает. Люди любят загадки. Люди платят за мрак, если он с красивыми шторами.

Окрылённая, как бабочка после триумфального вылупления, я несусь искать Малгарта. Он, конечно же, как всегда, драматично висает у окна, изображая статую «Тоска в профиль». Максимально внятно подбоченившись — так, чтобы сразу было ясно, что я пришла с идеей века, — я излагаю: гостиница. Чистим залы, освежаем гобелены, сдаём комнаты с видом на кладбище и привидения. Есть спрос — будет и предложение.

Малгарт слушает. Молча. Лицо как камень. И вот когда я уже почти поверила, что его впечатлила моя энергия, он вдруг издаёт... звук. Это не смех — нет, это нечто тонкое, скользкое, как капля дождя, просочившаяся под воротник в ноябре. Он усмехается. Тихо, хищно, так, будто я только что предложила ему заменить огненную атаку на танец с бубном.

— Ты думаешь, кто-то захочет сюда прийти? — его голос скользит по каменным плитам пола, холодный, как сырой ветер. — В замок, откуда сбежали даже тени?

Я прищуриваюсь. Не боюсь, не отступаю. Он считает, что я сдамся. Что это всё — очередной каприз девочки, которая не привыкла к серости. Ха. Ну-ну. Это он ещё не знает, на что способна девочка, выросшая на «Гордости и предубеж-

дении» и фанфиках про демонологов-отельеров.

— Ты же не мешаешь? — спрашиваю, уже зная ответ. Он, конечно, мог бы расплавить меня взглядом, но мешать не станет. Интересно же, через сколько дней я, по его мнению, выброшусь с башни от усталости. Спойлер: не выброшусь. Знаешь почему, Малгарт? Потому что я собираюсь... продать твой антиквариат.

Да-да, ты правильно услышал, великий и ужасный. Эти бессмысленные вазы с барельефами, в которых уже никто не хранит ни золото, ни яды, ни мозги. Эти тяжёлые столовые гарнитуры, рассчитанные на пиры, которых здесь не было со времён твоей первой бороды. Эти бронзовые подвески, от которых люстры скрипят, как совесть у плохих людей. Всё это — золото. Монеты. Фонд развития гостиницы.

Правда, одной мне не справиться. Но знаешь, кто у нас тут тихий, но невероятно полезный? Грог. Да, тот самый го-блин-дворецкий, который делает вид, что ему плевать. Ага, плевать ему — как же. Стоило мне намекнуть, что мы можем разгрести хлам и вместо него поселить в холле пару богатеньких купцов с толстыми кошельками, как у него в глазах вспыхнул интерес. Правда, он покашлял, мол, «по уставу я такое не одобряю», но потом почесал затылок и выдал список предметов, которые, цитирую, «всё равно никому не нужны, кроме пауков». Он даже знает лавку в ближайшем поселении, где их «по-тихому» можно пристроить.

Итак, у нас есть идея. У нас есть ресурсы. У нас есть го-

блин с теньвыми связями. Всё, что осталось — не сойти с ума, не обидеть дракона и научиться отличать старинный сервиз от проклятого артефакта. А в остальном — дело житейское.

И тут меня осеняет, как вспышка магического разряда посреди лба: караванная дорога! Да-да-да, я же читала это, чёрт возьми! Описание географии королевства, которое мы ещё обсуждали в фанатском сообществе под тегом «Где бы мне заблудиться». Торговый путь проходит совсем недалеко от замка — всего в нескольких лигах, если, конечно, не сбиться с дороги, не попасть в засаду и не наступить на древнее проклятие. А это значит, что по дороге регулярно движутся обозы с товаром, купцы, наёмники, беглые влюблённые, подозрительные алхимики и все те, кто любит устать до потери лица и потом мечтать об ужине, горячей ванне и месте, где их не съедят заживо.

А теперь вопрос: что им всем нужно? Кров, еда, ванна и минимум шансов на то, что в их постель ночью залезет нечто слизкое. Что у меня есть? Стены. И воля. И веник. Ну ладно, веник ненадолго. И всё это — начало.

Я начинаю с одной комнаты. Скромной, угрюмой, заброшенной настолько, что паутина здесь не просто в углах, она как декор — художественная инсталляция «Ода запустению». Вымываю полы с таким энтузиазмом, что веник, кажется, взмолился о пощаде, взвизгнул и рассыпался в щепки. А я только расправила плечи. Потому что в моей голове

это уже не комната с грибком в углу, а будущее место силы, уютный номер с видом на внутренний двор, где когда-нибудь снова зацветут цветы. Или хотя бы мох будет симпатичным.

Грога пришлось буквально выкрикивать из его логова (он клянётся, что это винный подвал, но мы оба знаем — это склад уныния и пыльных бутылок). Ведро воды я выбила из него после десятиминутного спора, в котором были аргументы, слёзы, немного угроз и фраза «если ты не хочешь, чтобы у нас тут сдохли первые гости, помоги мне хотя бы не травить их заплесневелым воздухом!» Гоблин фыркнул, выдал ведро и тряпку с видом мученика, который сейчас пойдёт и пожалуется в союз угнетённых существ. Я сунула ему щётку для рам, себе оставила тряпку и унесла ведро.

Двигала лёгкую мебель сама, а тяжёлый комод мы с Грогом сдвигали вдвоём. С фырчанием, вслух обсуждая, кто именно оставил здесь комоды весом с дракона в панцире. Меняла покрывала — старые, к слову, были настолько древними, что я подозреваю их в самостоятельной жизни. Стирала окна до прозрачности — если присмотреться, сквозь стекло даже стало видно пейзаж, а не просто отражение моей безумной решимости.

А он? О, он. Мрачная статуя. Холодное воплощение сарказма и пассивной агрессии. Малгарт наблюдал за мной из своей любимой тени, с лицом, на котором можно было прочесть: «Ну-ну, давай, посмотрим, через сколько ты поймёшь, что была права». Он не помогает. Не вмешивается. Не де-

лает ни шага навстречу. Но и не уходит. Просто смотрит.

И с каждым его равнодушным взглядом во мне поднимается волна. Нет, не уныния. Я бы уже сдалась, если бы была склонна к унынию. Это злость. Та самая, которая кипит в груди, как чайник на забытом огне. Потому что, чёрт побери, я не просто злая — я в бешенстве. На него, на этот замок, на свои руки в мозолях, на своего внутреннего романтика, который когда-то мечтал стать драконьей невестой. А теперь я — домоуправитель руин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.